ГЛАВА IX.

Мистер и миссис Лите, очевидно, были немало удивлены, когда вскоре появились, узнав, что в то утро я бегал один по всему городу, и было очевидно, что они были приятно удивлены, увидев, что я казался таким мало взволнованным после пережитого.

"Ваша прогулка, скорее всего, была очень интересной", - сказала миссис Лите, когда мы вскоре сели за стол. "Вы, должно быть, увидели много нового".

"Я видел очень мало такого, что не было бы новым", - ответил я. "Но я думаю, что больше всего меня удивило то, что я не нашел ни магазинов на Вашингтон-стрит, ни банков на Стейт-стрит. Что вы сделали с торговцами и банкирами? Может быть, повесили их всех, как хотели сделать анархисты в мое время?"

"Не так уж плохо", - ответил доктор Лите. "Мы просто отказались от них. Их функции устарели в современном мире".

"Кто продает вам вещи, когда вы хотите их купить?" - поинтересовался я.

"В настоящее время нет ни продажи, ни покупки; распределение товаров осуществляется другим способом. Что касается банкиров, то, не имея денег, мы не нуждаемся в этих дворянах".

"Мисс Лите, - сказал я, поворачиваясь к Эдит, - боюсь, что ваш отец смеется надо мной. Я не виню его, потому что искушение, которое предлагает моя невинность, должно быть, экстраординарно. Но, на самом деле, есть пределы моей доверчивости относительно возможных изменений в социальной системе".

"Я уверена, что отец и не думает шутить", - ответила она с ободряющей улыбкой.

Затем разговор принял другой оборот, вопрос о женской моде в девятнадцатом веке был поднят, если я правильно помню, миссис Лите, и только после завтрака доктор пригласил меня подняться на крышу дома, которая, по-видимому, была его любимым местом отдыха, что он вернулся к этой теме.

"Вы были удивлены, - сказал он, - моими словами о том, что мы обходились без денег или торговли, но минутное размышление покажет, что торговля существовала и деньги были нужны в ваше время просто потому, что производственный бизнес был оставлен в частных руках, и что, следовательно, они сейчас излишни."

"Я не сразу понимаю, что из этого следует", - ответил я.

"Это очень просто", - сказал доктор Лите. "Когда бесчисленные разные и независимые люди производили различные вещи, необходимые для жизни и комфорта, бесконечные обмены между индивидуумами были необходимы для того, чтобы они могли обеспечить себя тем, что они желали. Эти обмены представляли собой торговлю, и деньги были важным средством их осуществления. Но как только нация стала единственным производителем всех видов товаров, отпала необходимость в обменах между отдельными людьми, чтобы они могли получить то, что им требовалось. Все можно было приобрести из одного источника, и ничего нельзя было приобрести где-либо еще. Система прямого распределения из национальных хранилищ заменила торговлю, и для этого деньги были не нужны".

"Как управляется это распределение?".

"По самому простому из возможных планов", - ответил доктор Лите. "Кредит, соответствующий его доле Годового Продукта Нации (аналог НВП), выдается каждому гражданину в государственных книгах в начале каждого года, и ему выдается кредитная карточка, с помощью которой он приобретает на общественных складах, которые находятся в каждой общине, все, что он пожелает, когда он этого пожелает.

Это соглашение, как вы увидите, полностью устраняет необходимость в деловых операциях любого рода между отдельными лицами и потребителями. Возможно, вы хотели бы посмотреть, на что похожи наши кредитные карты".

"Вы заметили, - продолжал он, пока я с любопытством рассматривал кусок картона, который он мне дал, - что эта карточка выпущена на определенное количество долларов. Мы сохранили старое слово, но не суть. Термин, как мы его используем, не отвечает ни на какую реальную вещь, а просто служит алгебраическим символом для сравнения значений продуктов друг с другом. Для этой цели все они оцениваются в долларах и центах, как и в ваше время. Стоимость того, что я покупаю на этой карточке, проверяется продавцом, который высчитывает из этих рядов квадратов цену того, что я заказываю."

"Если бы вы хотели купить что-то у своего соседа, не могли бы вы перевести ему часть своего кредита в качестве компенсации?" - поинтересовался я.

"Во-первых, - ответил доктор Лите, - нашим соседям нечего нам продать, но в любом случае наш кредит не подлежит передаче, поскольку он сугубо личный. Прежде чем нация смогла бы даже подумать о том, чтобы выполнить любую такую передачу, о которой вы говорите, она была бы обязана изучить все обстоятельства сделки, чтобы иметь возможность гарантировать ее абсолютную справедливость.

Достаточной причиной для отмены денег, если бы не было никакой другой, было бы то, что их обладание не указывало на законное право собственности на них. В руках человека, который украл его или убил ради них, они были так же хороши, как и в руках тех, кто заработал их честным трудом.

В наши дни люди обмениваются подарками и услугами по дружбе, но покупка и продажа считаются абсолютно несовместимыми с взаимной благожелательностью и бескорыстием, которые должны преобладать между гражданами, и чувством общности интересов, которое поддерживает нашу социальную систему.

Согласно нашим представлениям, покупка и продажа по существу антисоциальны во всех своих тенденциях. Это воспитание в себе стремлении к эгоизму за счет других, и ни одно общество, граждане которого стремятся потопить других ради личной выгоды, не может подняться выше очень низкого уровня цивилизации".

"Что, если вам придется потратить больше, чем записано на вашей карте за год?" Спросил я.

"Запасов настолько много, что мы, скорее всего, не потратим их все", - ответил доктор Лите. "Но если чрезвычайные расходы исчерпают их, мы можем получить ограниченный аванс по кредиту на следующий год, хотя такая практика не поощряется, и для проверки взимается большая наценка. Конечно, если бы мужчина проявил себя безрассудным расточителем, он получал бы свое пособие ежемесячно или еженедельно вместо ежегодного, или, если необходимо, ему не разрешили бы заниматься всем этим".

"Если вы не тратите свои деньги, я полагаю, они накапливаются?"

"Это также допускается в определенной степени, когда ожидаются особые расходы. Но если не указано обратное, предполагается, что гражданин, который не полностью израсходовал свой кредит, не имел возможности сделать это, и остаток превращается в общий профицит".

"Такая система не поощряет привычки граждан к сбережению", - сказал я.

"Это и не предполагалось", - последовал ответ. "Нация богата и не желает, чтобы люди лишали себя чего-либо хорошего. В ваше время мужчины были обязаны откладывать товары и деньги на случай грядущей нехватки средств к существованию для себя и для своих детей.

Эта необходимость превратила бережливость в добродетель. Но теперь у него не было бы такой похвальной цели, и, потеряв свою полезность, оно перестало рассматриваться как добродетель. Ни один человек больше не заботится о завтрашнем дне, ни о себе, ни о своих детях, ибо нация гарантирует воспитание, образование и комфортное содержание каждого гражданина от колыбели до могилы".

"Это абсолютная гарантия!" Я воскликнул. "Какая может быть уверенность в том, что ценность труда человека окупит затраты нации на него? В целом общество может быть в состоянии содержать всех своих членов, но некоторые должны зарабатывать меньше, чем необходимо для их поддержки, а другие больше; и это еще раз возвращает нас к вопросу о заработной плате, о котором вы до сих пор ничего не сказали.

Именно на этом, если вы помните, закончился наш разговор прошлым вечером; и я снова говорю, как и тогда, что здесь, я полагаю, национальная промышленная система, подобная вашей, столкнулась бы со своей главной трудностью. Как, я спрашиваю еще раз, вы можете удовлетворительно регулировать сравнительную заработную плату или вознаграждение за множество занятий, столь непохожих и несоизмеримых, которые необходимы для служения обществу?

В наши дни рыночный курс определяет цену на рабочую силу всех видов, а также на товары. Работодатель платил так мало, как мог, а работник получал деньги. Я признаю, что это была не очень хорошая система с этической точки зрения; но она, по крайней мере, предоставила нам грубую и готовую формулу для решения вопроса, который должен решаться десять тысяч раз в день, если мир когда-либо собирался двигаться вперед. Нам казалось, что другого практически осуществимого способа сделать это нет".

"Да, - ответил доктор Лите, - это был единственный практически осуществимый способ при системе, которая делала интересы каждого индивида антагонистичными интересам всех остальных; но было бы жаль, если бы человечество никогда не смогло разработать лучший план, поскольку ваш способ был просто приложением к дьявольской максиме (краткое выражение фундаментального морального правила или принципа прим. пер.): "Ваша необходимость - это моя возможность".

Вознаграждение за любую службу не зависело от ее сложности, опасности или лишений, поскольку во всем мире, по-видимому, самый опасный, суровый и отталкивающий труд выполнялся самыми низкооплачиваемыми классами; но исключительно по просьбе тех, кто нуждался в этой услуге."

"Все это правда", - сказал я. "Но, при всех его недостатках, план установления цен по рыночному курсу был практическим планом; и я не могу представить, какую удовлетворительную замену вы могли бы придумать для него. Правительство является единственным возможным работодателем, поэтому, конечно, нет рынка труда или рыночной

ставки.

Заработная плата всех видов должна быть произвольно установлена правительством. Я не могу представить себе более сложную и деликатную функцию, чем та, которая должна быть, или которая, как бы она ни выполнялась, с большей вероятностью вызовет всеобщее недовольство".

"Прошу прощения, - ответил доктор Лите, - но я думаю, что вы преувеличиваете сложность. Предположим, совету, состоящему из достаточно здравомыслящих людей, было поручено установить заработную плату для всех видов профессий в рамках системы, которая, подобно нашей, гарантировала занятость всем, позволяя при этом выбирать профессии.

Разве вы не видите, что, какой бы неудовлетворительной ни была первая корректировка, ошибки вскоре исправятся сами собой? У привилегированных профессий было бы слишком много добровольцев, а у тех, кто подвергался дискриминации, их не хватало бы до тех пор, пока ошибки не были исправлены. Но это в стороне от цели, потому что, хотя этот план, я полагаю, был бы достаточно осуществим, он не является частью нашей системы".

"Как же тогда вы регулируете заработную плату?" не унимался я.

Доктор Лите ответил только после нескольких мгновений задумчивого молчания.

"Я, конечно, знаю, - сказал он наконец, - достаточно о старом порядке вещей, чтобы понять, что именно вы имеете в виду под этим вопросом; и все же нынешний порядок настолько сильно отличается на данный момент, что я немного в недоумении, как лучше всего ответить вам. Вы спрашиваете меня, как мы регулируем заработную плату; я могу только ответить, что в современной социальной экономике нет идеи, которая вообще соответствовала бы тому, что подразумевалось под заработной платой в ваше время".

"Я полагаю, вы имеете в виду, что у вас нет денег для выплаты заработной платы", - сказал я. "Но кредит, выданный рабочему на правительственном складе, отвечает его заработной плате у нас. Как определяется сумма кредита, предоставляемого соответственно работникам по разным направлениям? По какому праву индивид претендует на свою конкретную долю? На чем основано распределение?"

"Его право, - ответил доктор Лит, - это его человечность. Основанием для его заявления является тот факт, что он человек".

"Тот факт, что он человек!" - недоверчиво повторил я. "Возможно, вы имеете в виду, что у всех одинаковая доля?"

"Совершенно верно".

Читатели этой книги, которые практически никогда не знали никакого другого устройства или, возможно, очень внимательно изучали исторические отчеты о прошлых эпохах, в которых преобладала совершенно иная система, оценят ступор изумления, в который повергло меня простое заявление доктора Лите.

"Вы видите, - сказал он, улыбаясь, - что дело не только в том, что у нас нет денег для выплаты заработной платы, но, как я уже сказал, у нас вообще нет ничего, отвечающего вашему представлению о заработной плате".

К этому времени я достаточно взял себя в руки, чтобы высказать некоторые критические замечания, которые, как человек девятнадцатого века, каким я был, больше всего приходили

мне в голову по поводу этого поразительного для меня соглашения.

"Некоторые люди делают вдвое больше работы, чем другие!" - воскликнул я. "Довольны ли трудолюбивые рабочие планом, который ставит их в один ряд с бездельниками?"

"Мы не оставляем никаких оснований для жалоб на несправедливость, - ответил доктор Лите, - требуя от всех одинаковой меры труда".

"Хотел бы я знать, как вы можете это сделать, когда силы двух людей не одинаковы?"

"Ничего не может быть проще", - был ответ доктора Лите. "Мы требуем от каждого, чтобы он прилагал одинаковые усилия; то есть мы требуем от него наилучшей работы, которое в его силах оказать".

"И предположим, что все делают все, что в их силах, - ответил я, но решил уточнить еще один момент – что если, количество получаемого продукта у одного работника в два раза больше, чем у другого".

"Хороший вопрос, - ответил доктор Лите, - но количество получаемого продукта не имеет никакого отношения к вопросу о заслуге. Заслуга - это моральный вопрос, а количество продукта - материальная величина. Это была бы экстраординарная логика, которая должна была бы попытаться определить моральный вопрос с помощью материального стандарта. Сам по себе объем усилий имеет отношение к вопросу о заслугах.

Все граждане, которые делают все, что в их силах, делают то же самое. Дары человека, какими бы божественными они ни были, просто определяют меру его долга. Человек с большими способностями, который не делает всего, что в его силах, хотя он может сделать больше, чем человек с малыми способностями, который делает все возможное, считается менее достойным работником, чем последний, и умирает должником перед своими товарищами. Творец ставит перед людьми задачи с помощью способностей, которые он им дает; мы просто требуем их выполнения".

"Без сомнения, это очень тонкая философия, - сказал я. - Тем не менее кажется трудным, чтобы человек, который производит в два раза больше другого, даже если оба стараются изо всех сил, получал только одинаковую долю".

"Вам действительно так кажется?" - ответил доктор Лите. "Теперь, знаете ли, мне это кажется очень любопытным? В наши дни людей поражает то, что человек, который может производить вдвое больше, чем другой, с теми же усилиями, вместо того, чтобы получать за это вознаграждение, должен быть наказан, если он этого не делает. В девятнадцатом веке, когда лошадь тянула более тяжелый груз, чем коза, я полагаю, вы вознаграждали ее. Так вот, мы бы хорошенько выпороли лошадь, если бы она этого не сделала, на том основании, что, будучи намного сильнее козы, она ленилась делать работу. Удивительно, как меняются этические стандарты".

Доктор сказал это с таким огоньком в глазах, что я был вынужден рассмеяться.

"Я полагаю, - сказал я, - что истинная причина, по которой мы вознаграждали людей за их одаренность, в то время как вы рассматривали одаренность лошадей и коз просто как определяющую услугу, которая от них требуется, заключалась в том, что животные, не будучи разумными существами, естественно, делали все, что могли, тогда как людей можно было бы побудить к этому, только вознаградив их в соответствии с количеством их продукта. Это заставляет меня спросить, почему, если человеческая природа сильно не изменилась за сто

лет, вы не испытываете такой же необходимости".

"Так и есть", - ответил доктор Лите. "Я не думаю, что с вашего времени в человеческой природе произошли какие-либо изменения в этом отношении. Все еще так устроено, что специальные стимулы в виде призов и преимуществ, которые можно получить, необходимы для того, чтобы вызвать лучшие усилия среднего человека в любом направлении".

"Но какой стимул, - спросил я, - может быть у человека, чтобы приложить все усилия, когда, как бы много или мало он ни достигал, его доход остается прежним? Возвышенные личности могут быть движимы преданностью общему благу при такой системе, но разве средний человек не склонен снова опереться на весло, рассуждая, что бесполезно прилагать особые усилия, поскольку эти усилия не увеличат его доход, а лень не уменьшит его?"

"Неужели вам действительно кажется, - ответил мой спутник, - что человеческая природа нечувствительна ни к каким мотивам, кроме страха нужды и любви к роскоши, что вы должны ожидать, что безопасность и равенство средств к существованию оставят их без возможных стимулов к усилиям?

Ваши современники на самом деле так не думали, хотя им могло показаться, что они так думали. Когда речь шла о самых грандиозных усилиях, о самой абсолютной самоотдаче, они зависели от совершенно других стимулов. Не более высокое жалованье, а честь и надежда на благодарность людей, патриотизм и вдохновение долга - вот мотивы, которые они ставили перед своими солдатами, когда речь шла о смерти за нацию, и никогда в мире не было эпохи, когда эти мотивы не призывали выяснить, что есть лучшего и благороднейшего в людях.

И не только это, но когда вы приступаете к анализу любви к деньгам, которая была общим импульсом к усилиям в ваше время, вы обнаруживаете, что страх перед нуждой и желание роскоши были лишь одним из нескольких мотивов, которые представляла погоня за деньгами; другие, и со многими более влиятельными, являются стремлением к власти, социальному положению и репутации за способности и успех. Итак, вы видите, что, хотя мы устранили бедность и страх перед ней, а также чрезмерную роскошь с надеждой на нее, мы не затронули большую часть мотивов, которые лежали в основе любви к деньгам в прежние времена, или каких-либо из тех, которые побуждали к высшим видам усилий.

Более грубые мотивы, которые больше не движут нами, были заменены более высокими мотивами, совершенно неизвестными простым наемным работникам вашего времени. Теперь, когда промышленность любого рода больше не является самообслуживанием, а служением нации, патриотизм, страсть к человечеству побуждают рабочего, как в ваше время они побуждали солдата. Армия промышленности является армией не только в силу своей совершенной организации, но и по причине пылкой самоотдачи, которая воодушевляет ее членов.

"Но как вы привыкли дополнять мотивы патриотизма любовью к славе, чтобы стимулировать доблесть ваших солдат, так и мы поступаем. Поскольку наша промышленная система основана на принципе, требующем от каждого человека одинаковой единицы усилий, то есть лучшего, что он может сделать, вы увидите, что средства, с помощью которых мы побуждаем рабочих делать все возможное, должны быть очень важной частью нашей схемы.

Для нас усердие на государственной службе - это единственный и верный путь к общественной репутации, социальному отличию и официальной власти. Ценность заслуг человека перед обществом определяет его ранг в нем.

По сравнению с эффектом ваших социальных механизмов, побуждающих людей быть ревностными в бизнесе, мы считаем наглядные уроки острой бедности и бессмысленной роскоши, от которых вы зависели, средством столь же слабым и ненадежным, сколь и варварским. Жажда чести даже в ваши времена, как известно, побуждала людей к более отчаянным усилиям, чем любовь к деньгам."

"Мне было бы чрезвычайно интересно, - сказал я, - узнать что-нибудь о том, что представляют собой эти социальные механизмы".

"дьявол в деталях, - ответил доктор, - конечно, она очень сложная, так как эти механизмы лежат в основе всей организации нашей промышленной армии; но несколько слов дадут вам общее представление о ней".

В этот момент наш разговор был очаровательно прерван появлением на крыше, где мы сидели, Эдит Лите. Она была одета для улицы и пришла поговорить со своим отцом о каком-то поручении, которое она должна была для него выполнить.

"Кстати, Эдит, - воскликнул он, когда она собиралась оставить нас одних, - интересно, не будет ли мистеру Уэсту интересно посетить магазин вместе с вами? Я рассказывал ему кое-что о нашей системе распределения, и, возможно, он хотел бы увидеть ее в практическом действии".

"Моя дочь, - добавил он, поворачиваясь ко мне, - неутомимый покупатель и может рассказать вам о магазинах больше, чем я".

Предложение, естественно, было мне очень приятно, и Эдит, будучи достаточно любезна, сказала, что она должна быть рада моему обществу, и мы вместе вышли из дома.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/83668/2691387